

ЗИМНЯЯ БАЛЛАДА

Драматическая композиция по пьесе А.Вейцлера и А.Мишарина.
Использовались материалы интернет- ресурса “google-books”, сцены
и диалоги из спектакля театральной студии «Наш Ковчег»
п.Белоозерский, а так же воспоминания о телеспектакле театра
имени Маяковского в постановке Б.Толмазова.

Андрей Леонидович Вейцлер

Александр Николаевич Мишарин

ЗИМНЯЯ БАЛЛАДА 233

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Северов Андрей Михайлович.

Наташа.

Ольга.

Сакеев — генерал.

Соседка.

Дворничиха.

Копытин.

Милиционер.

Шофер такси.

Он.

Она.

Служащий тира.

Продавщица.

Воспроизведение

по пьесе
Андрея Вейцлера и
Александра Мишарина
"Зимняя Баллада"

Северов-Г.Корольков.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Москва, канун Нового 1969-го года ,квартира в московской новостройке, звонок в дверь.

Северов и Соседка.

Соседка.Простите ради бога, что я так вот к вам ворвалась, но я ,знаете,по-соседски.

Северов.Ничего-ничего,проходите,присаживайтесь.

Соседка.Спасибо,я даже фартук не сняла.

Северов.Ничего,сами говорите- “по- соседски”.

Соседка.Знаете,я вас из окна заметила,когда вы из машины выходили ...Думаю,неужто наш сосед все-таки приехал!?

Северов.А почему “все –таки”?

Соседка.Ну, как же? Дом -то уже месяц как заселили, а ваша квартира все пустовала.Мы все с мужем гадали: что это соседи наши не въезжают? Правда,племянники ваши заходили ,вот мебель завезли,а вчера елку поставили.

Заботятся о дяде. Такие симпатичные ребята. Вот молодежь все ругают, а есть... есть же...

Северов. Да, они — хорошие ребята.

всего и даже не представилась. Зовут меня Евдокия Михайловна, а мужа — Виктор Степанович. А фамилия наша — Звонаревы. Только вы не думайте, я на свою фамилию не похожа. А то действительно смешно получается: соседка — Звонарева.

Северов. А я Андрей Михайлович, фамилия моя — Северов. Человек я холостой (улыбнулся), но тихий, почти непьющий.

Соседка (тоже засмеялась). Так вы, можно сказать, просто редкий экземпляр. Не женатый и не употребляющий. А мой вот в гастроном побежал, вроде водку какую-то польскую, особую выбросили... Так он к встрече Нового года и побежал ее покупать.

Северов. У поляков водка хорошая.

Соседка. Вот вы сказали, что непьющий, а разбираетесь.

Северов. Я сказал: почти непьющий.

Соседка. А вот теперь я поняла, почему вас так долго не было.

Северов. Почему?

Соседка. Вы такой загорелый, по-видимому, в отпуске были где-нибудь на юге?

Северов. Да, совершенно верно, в Батуми.

Соседка. Ну, слава богу, что к Новому году вернулись.

А то и для нас неизвестность какая то, ну мало ли какие соседи приедут, правда, это не то что ком-

мунальная квартира, но все-таки. Вы раньше в коммунальной жили?

Северов. Раньше? Да как вам сказать... В коммунальной.

Соседка. Тогда вы меня понимаете. А вообще я могу вам сказать: дом наш хороший. Капитальный. И санузел отдельный. Заметили?

Северов. Да... еще нет.

Соседка. Ручки крепкие, все на месте. Слышимости никакой. Просто редкий дом.

Северов. Значит, повезло нам с вами.

Соседка. Исключительно! А особенно вам, просто счастливый человек. На одного — и двухкомнатная квартира... Господи, и чего это я все болтаю. Вы же с дороги.

236

Вон и вещи еще не распаковали. Я ведь чего звонила-то вам... может, помочь вам нужно. Прибраться — я с удовольствием. Вы не стесняйтесь.

Северов. Только вроде пока у меня все в порядке.

Соседка. А полы вам советую лаком покрыть — сначала надо циклевать, а потом лаком. И вам, мужчине, удобнее: подметешь — и все чисто, а то мыть-то полы не мужская работа.

Северов. Обязательно сделаю, как вы советуете.

Соседка. А лак я вам дам. Вы, наверно, слышали, лак хороший, шведский, невозможно достать... а у меня есть. Достала, слава богу. И вот еще. (Вынимает лист бумаги.) Одного только вас и ждали. Вот тут распишитесь. Под номером вашей квартиры.

Северов. А что это за бумага?

Соседка. Заявление. От всех жильцов нашего дома. Чтобы в следующем году нам телефон поставили. Все подписались, вот только вас...

Северов. Ясно. Ну, давайте и я распишусь. (Расписывается.)

Соседка. Ручка у вас красивая. Не наша?

Северов. Американская.

Соседка. Все. Больше надоедать не буду... Да, Андрей...

Северов. Михайлович.

Соседка. Андрей Михайлович, ну, если вы один и планов никаких не имеете, может, к нам вечером заглянете? Все-таки Новый год. С мужем познакомитесь. Я пирогов столько напекла, по старой привычке. Мы сейчас одни с мужем. Дочка замуж вышла и на Печору уехала, а сын в армии служит. Так что заходите, по-простому, по-соседски. Квартира рядом с вами, номер тридцать восемь... Заходите, Андрей Михайлович.

Северов. Спасибо, я еще не знаю...

Соседка. Все понимаю. А ждать мы вас все-таки будем. Отдыхайте, осваивайтесь. (Уходит.)

Северов остается один. Негромко повторяет: «Отдыхайте, осваивайтесь». Подходит к елке, рассматривает ее. Включает лампочки. Верхний свет гасит. Комнату теперь освещает только разноцветный зыбкий свет елочных фонариков. Снег за окном падает все гуще, отбрасывая быстрые тени на стены комнаты. Северов медленно опускается в кресло.

Северов. Когда я уезжал из Москвы, мне было двадцать три. А теперь я вернулся или, как сказала соседка, все-таки приехал. И вот я снова в Москве, как тогда... Это, наверное, мой последний дом на Земле... Скоро, как тогда, Новый год. (После паузы, тихо.) Наташа... Наташа...

В комнату входит Наташа. Ей девятнадцать. У нее большие синие глаза и светлая пушистая челка. Она одета в легкий халатик, на ногах мягкие домашние туфли.

Наташа. Ты так тихо позвал меня, что я еле услышала из кухни.

Северов. Вот я и вернулся, Наташа.

Наташа. Устал? Сейчас мы с тобой будем обедать, я сварила замечательные щи. Ты соскучился по щам?

Северов.Очень.

Наташа.Почему ты на меня так смотришь,я плохо выгляжу,да?

Северов.А ты все такая же.

Наташа.Думаешь ,не постарела?Это тебе только кажется.
А на самом деле я очень и очень постарела, сколько времени прошло...

Северов.Как же ты жила,Наташа?Ведь потом была война, потом послевоенное,тоже очень тяжелое время.Ты..

Наташа.А что я,все жили... А еще я ждала тебя...

Северов.Все это время ждала меня...

Наташа.И дождалась.А теперь ты мой муж ...и у нас есть дом с кухней..и все -все позади...

Северов.А впереди?

Наташа.Ты и я...и снова- я и ты.

Северов.А ты помнишь меня молодым?

Наташа.Каким же еще я могу тебя помнить.

Северов.Скажи что-нибудь хорошее.

Наташа Мы вместе,ты снова в Москве...

Северов.Я снова в Москве...

Наташа.Ты,наверное,ее совсем забыл , и тебя нельзя отпускать одного,потому что ты можешь потеряться.

Северов.А вот это неправда,я и не забыл.

Наташа.Но ведь изменились названия улиц,построились новые дома,скверы,целые районы,новые кинотеатры.

Северов.А кинотеатр «Централь ный» на Пушкинской снесли.

Наташа.Откуда ты знаешь?

Северов. Заметил, когда ехал с аэродрома.

Наташа. Ну и пусть снесли. Это, может, нам с тобой его жалко. А так он был уже старый и некрасивый. Теперь мы снова будем ходить по Москве...

И ты будешь смотреть,смотреть...

Северов.Да ,это прекрасно...

Наташа.Ой,у меня же еще столько дел...

Северов.Постой,а где мы встретим Новый год?

Наташа. Мы пойдем туда... Ты понимаешь?
Северов. Понимаю.
Наташа. Ты не забыл это место, Павел?
Северов *(приподнимается с кресла и почти кричит)*.
Меня зовут не Павел! Я сказал тебе неправду... Меня зо-

...

вут не Павел...

Северов. *(один)* Ну вот, чувствую, как начинает колоть сердце..
А перед глазами мелькают и мелькают круги, проклятые
круги того автомобильного трека, по которому я мчался на
гоночной машине, пытаюсь прижать соперника к борту...
Да, да ..Это было в сорок втором в Италии. Рядом с треком
находилась военно-химическая лаборатория, а начальник
этой лаборатории генерал Фон Пашен очень увлекался
автомобильными гонками...и вот я чувствую, как начинают
деревенеть кисти рук, сжимающие руль..

Звонок в дверь. Северов идет открывать. Входит Сакеев.
Сакеев. Ого, хорошо у тебя в берлоге. Даже про елку не
забыли, молодцы.

Северов. Так это уж е твоя инициатива.

Сакеев. Ну почему же только моя...

Северов. Ты шинель снимай.

Сакеев. Нет, Андрей, это ты одевайся. Меня моя Анна чуть не убила. Человек вернулся, Новый год на носу, а я его одного домой отпустил. Ну, я попробовал, конечно, оправдаться, дай, говорю, с жильем со своим познакомиться. В общем, живо ноги в руки и к нам поехали.

Северов. Ладно, поехали. Только ты все-таки сними шинель. Посидим немного.

Сакеев. В себя помаленьку приходишь. Давай посидим. Покурим. (Снимает шинель. Садится в кресло. Закуривает.) Мы ведь с тобой, Андрюша, и поговорить толком не успели. А вот это зря...

Северов. Ты о чем?

Сакеев. Зря, говорю, скромничаешь. Сегодня тебе все ордена надеть полагается и звездочку тоже. По большому счету заслужил.

Северов. Да как-то не привык я...

Сакеев. А ты привыкай. Главное — к жизни мирной привыкай. Конечно, понимаю, трудно вот так, сразу, после всего, что ты пережил. Но валь выстави

...но, но ты пережил, но ведь выжили...

Северов. Хватит, Саша.

Сакеев. Что «Саша»? Мне иногда через все фронты, через границы крикнуть тебе хотелось: «Спасибо, спасибо тебе, Андрей...»

Северов (мягко). Хватит об этом, Саша. Я сегодня уже речей наслушался.

Сакеев. И еще услышишь. Пойми же: ты у нас — легенда. Не зря ты столько лет не был на Родине. Такое не забывается. Ведь благодаря и твоей работе мы не узнали ужаса химической войны. А последние годы... Войны кончаются, а военные преступники остаются. Такого вот преступника ты сумел найти и разоблачить перед всем миром. Опасного преступника. Профессора. Мы-то с тобой знаем, что все эти годы этот «профессор» не только не раскаялся, а, наоборот, старался для новых хозяев с утроенной энергией... (Махнул рукой.) Действительно, хватит на тебя сегодня...

Северов. Ну, слава богу, догадался. (Кашляет.)

Сакеев. Накурил я у тебя. Кашляешь. Видно, неважно тебя в санатории подлечили.

Северов. Подлечили меня, Саша, очень хорошо. Кашель от меня, кажется, до конца жизни не отстанет.

Это я еще в Дюссельдорфе на химических заводах заработал, но сейчас, как говорится, я совершенно здоров и готов к выполнению любого задания.
ние. (после паузы.) Хотя понимаю сам. Свое дело я сделал.

Сакеев. Скажи, а я сильно изменился? Хотя что я... конечно, изменился.

Северов. Ага. Другая весовая категория.

Спасибо тебе, конечно, что ты меня от мыслей грустных отвлечь пытаешься...

Сакеев. А вот пессимизмы свои брось. Никто тебя в пенсионеры не зачислял. Отдохнешь еще с месячишко, потом опять за работу. Сам знаешь, как твой опыт нужен.

Северов. Значит, учителем становлюсь...

Сакеев. По-моему, лучшая профессия в мире.

Северов. Лучшая-то она лучшая, Саша, вот хотелось бы ей не только на работе, но и дома заниматься.

Сакеев. Понимаю...

Северов. У тебя дети то есть?

Сакеев. Три девки, все хотел сына, потом решил — пора

бросить экспериментировать, а то так до взвода девчончьего дойдешь.

Северов. А я бы сейчас и на десять девчонок согласился б...и на двадцать.

Северов. А меня уже на встречу Нового года пригласили.

Сакеев. Это кто же успел?

Северов. Соседи.

Сакеев. Познакомился?

Северов. Познакомился... Ты знаешь, Саша, чего я больше всего боялся там? Вот влезешь в их шкуру и потеряешь самое главное-человечность. У них там все есть: и сервис настоящий, и техника высокая, только вот минус-человечность. В нашей профессии можно заставить себя забыть многое, можно даже язык родной забыть, только вот главное, человечность, забывать нельзя, тогда пропал, тогда-гибель...

Я уже два месяца здесь и то, что для вас привычно, что для себя скрывал, тщательно прятал-у вас норма жизни. Я одно время вздрагивал, когда меня называли «товарищ». Вы к этому слову привыкли и значения ему не придаете, а для меня, может быть, это сейчас самое прекрасное- то, что я тебя, соседку, кондуктора могу называть этим словом...и меня называют «товарищ» ...Парадокс...Ну вот, наслушался я тебя и сам высоким стилем заговорил.

Сакеев. Меня злят все эти разговоры о высоком стиле, как будто это что-то неприличное, запрещенное. Ты же о самом главном говорил, о Родине... Так как же еще о ней говорить!? Я понимаю, когда для выгоды, для карьеры высокие слова произносятся, тогда действительно, но ты, Андрей, на свой высокий стиль имеешь право...(смотрит в окно) Отсюда университет виден... А покатаю-ка я тебя завтра по Москве, честное слово, не узнаешь.. А елка у тебя красивая...И фонарики имеются...А ну-ка мы сейчас иллюминацию устроим, ты лампочки электрические погаси.

Северов гасит верхний свет.

Северов (медленно). До Нового года времени еще много. Может, сейчас покатаемся?

Сакеев.Куда...куда ты хочешь?

Северов.Куда?Куда я хочу!?

Вспоминает...Да,да это тоже было тридцать первого декабря, мне было двадцать три,я вышел из огромного здания нашего наркомата ,сбежал по лестнице и тогда понял,что у меня есть немного времени.Завтра 1 января 1941.А затем начинается мое задание. Задание Родины. И это задание будет единственным и высшим делом моей жизни. Всей моей жизни. А пока... пока у меня было немного времени и молодость. И Новый год впереди.

А по улицам так же ,как сейчас,шли люди,они были празднично одеты,они улыбались...Я решил,что самое лучшее-это пойти в кино,посмотреть картину,потом пойти в другой кинотеатр-посмотреть другую...и так до вечера,почти до самого Нового года.

Я пошел в кинотеатр «Центральный»,что на Пушкинской площади. В очереди было много народу,очередь волновалась-- билеты заканчивались...И вот когда я подошел к самому окошечку кассы, я услышал тихий голосок: Дяденька,дяденька,возьмите и мне билетик...

В очереди закричали,мол,пусть сами постоят,но я попросил два билета,кассирша отдала их мне и захлопнула окошечко кассы...

Северов.Вот,девушка,наши с вами последние два билета.

Наташа. Ой, как хорошо... Сейчас я вам отдам деньги. Сейчас, куда-то завалились. Вот платок, варежки, а где же деньги?

Северов.Не надо,не ищите, лучше скажите,как вас зовут?

Наташа.Меня? Наташа.Наташа Кутейникова.А Вас?

Северов.А меня зовут...Павлом.

Наташа.Павел...Это очень красивое имя.Правда,был Павел Корчагин,но тот,скорее,Павка,а вы ,действительно ,Павел. Серьезный.

Северов.А вы,Наташа,не боитесь вот так просто знакомиться

на улице?

Наташа. Во-первых, мы познакомились с вами не на улице, а в помещении, в кино, а во-вторых, я же комсомолка и должна быть выше предрассудков.

Северов. И вы, действительно, выше?

Наташа. Не знаю, но я стараюсь. Ой, а мы не опоздаем, а то после третьего звонка не пускают.

Северов. Да, пойдете, пойдете... А что за картину показывают?

Наташа. Совершенно новый – «Сердца четырех».

Северов. И кто играет?

Наташа. Валентина Серова. Та, которая «девушка с характером», у нее муж-летчик знаменитый.

Северов. Счастливая, значит...

Наташа. Конечно.

Северов. А картина то хоть интересная?

Наташа. Говорят, смешная.

Северов. А я люблю серьезные картины, ну ... про любовь.

Наташа. Вы надо мной смеетесь? Я же вижу-у вас глаза улыбаются. Смеяться нечего. Я тоже уже взрослая, мне скоро будет двадцать, я тоже знаю, что такое любовь, я даже любила..

Северов. Не может быть..

Наташа. Не смейтесь, не надо. Я даже могу вам рассказать про эту свою любовь, потому что она уже прошла. Она покрылась «паутиной времени».

Северов. А-а.. чем-чем?

Наташа. Паутиной времени. Про эту мою любовь

теперь можно рассказывать. Правда, не всем. Ой, мы опоздаем. Побежали.

Музыка.

Северов. Потом кончился сеанс. И мы вышли с Наташей на улицу.

Наташа опять рядом с Северовым.

Наташа, вы что, плачете? Зачем? Почему?

Наташа. А когда люди плачут, это бывает не почему и не зачем. Плачут от счастья или от горя.

Северов. Кто же это сказал?

Наташа. Никто. Это я сказала. И вот я уже не плачу. А если по правде, я всегда думаю: почему бывает так красиво и страшно интересно в кино, а в жизни не всегда так. И даже иногда хуже?

Северов. Я тоже об этом думал.

Наташа. Ведь правда, это как-то несправедливо. Вот люди там, на экране, живут, как нам хотелось бы жить, а... Нет, да что это я... Все на свете возможно... как бы это сказать...

Северов. А мы будем жить долго и счастливо. Так ведь?

Наташа. Да, конечно... как и все. Спасибо. Я пойду.

Северов. А вы обещали рассказать мне о своей любви, которая этой... как ее... паутиной времени покрылась.

Наташа. Ничего я не обещала. А потом, вы, наверно, спешите, вас ждут. Вы идите, я вас не держу. Я ведь так просто, в благодарность, что вы мне билет взяли, с вами разговаривала.

Северов. Ну, это вы шутите. Да и я никуда не спешу. Никуда. И никто меня не ждет. Я даже вообще не знаю, где я буду встречать Новый год.

Наташа. Вы действительно не спешите? Это прекрасно.

Вы не представляете, как это прекрасно. Не смотрите на меня так. Я понимаю, что нельзя разговаривать вот так с первым встречным, но вы же не первый встречный? Северов. Конечно, нет.

Наташа. Вот и прекрасно. Тогда я вам все расскажу. Вы только не идите такими большими шагами, я за вами не поспеваю. Вот какие, Павел, оказывается, на свете бывают истории. Я полюбила одного мальчика, тоже комсомольца. Мне было шестнадцать лет, и мы учились с ним в

244

одной школе, звали его Митя Ромашкин, он был толстый, некрасивый, носил очки...а...он увлекался химией и все время торчал в химическом кабинете, мы думали, что он подлизывается к учительнице...

Северов. Наташа, давайте проведем остаток дня вместе. А этого Митю Ромашкина вы вовсе не любили и все выдумали, а чем закончить историю не знаете..У нас будет прекрасный, светлый, мирный день..Я ведь завтра уезжаю. Наташа. Уезжаете? Это очень знаменательно. Я завтра тоже уезжаю, в Ленинград, я теперь там живу и учусь, а раньше жила здесь, в Москве.

Северов. А я в Ленинграде никогда не был.

Наташа. Ничего, еще успеете. Я ведь в Тбилиси тоже не была, а очень хочется.

Северов. А в Киеве?

Наташа. И в Киеве не была, и в Астрахане, и в Алмаате, и в Свердловске..Знаете, куда мне почему -то очень хочется поехать? В Путивль. Помните? Князь Игорь, Ярославна...

Северов. Что мы все о других городах. Как же Москва? Давайте договоримся, что сегодня вы покажете мне город. Я ведь Москвы совсем не знаю..Я не здешний..

Наташа. Конечно, конечно...Только давайте условимся, что ту Москву, которую всем показывают, в другой раз увидите. Я вам покажу те места, где я люблю бывать, где я бывала,

и мне было хорошо..Пошли....

Северов .Пошли.

Наташа рядом с Северовым..

Наташа (показывает).Родильный дом имени Клары Цеткин...

А здесь меня принимали в пионеры,видите окно на втором этаже,второе справа-в этой комнате все и происходило.

Северов.А что здесь,в этом парке?

Наташа.Не скажу.Давайте только посидим на этой скамейке..

И молчите,понимаете,молчите...

В темноте перед Северовым и Наташей возникает прилавок тира.

Служащий тира. Граждане, граждане, молодые люди, тир закрывается. Видите, уже время позднее.

Наташа. Ляля Семен. Это же я. Наташа. Я же здесь нормативы на ворошиловского стрелка сдавала,каждый день сюда приходила,когда в Москве жила.

Служащий тира.Вот завтра и приходите,а сейчас домой пора, Новый год встречать..

Наташа.А давайте,если я попаду вот в ту «мишень»,то 5 минут наши.

Служащий тира.Ладно,все-равно не попадешь...Гляди,попала..

Ну что ж,стреляйте,я тут пока все обойду...

Наташа.А теперь ты,Павел,стреляй.Только в того « »не надо, в него очень трудно попасть.Я нарочно самую легкую мишень выбрала,что б наверняка...

Северов стреляет и с легкостью попадает во все мишени.С каждым удачным выстрелом Наташа в восторге хлопает в ладоши и с растущей симпатией смотрит на него..

Воспоминания тают...Северов снова с Сакеевым в своей квартире.

Северов.Ну зачем,зачем я тогда назвал себя Павлом? (по легенде) Ребячество какое-то.И что бы изменилось,если б она знала мое настоящее имя?

Сакеев.Все думаешь?

Северов. Думаю.

Сакеев. В сорок втором и в сорок пятом по твоей просьбе мы искали ее. Наташу Кутейникову. Видишь, я даже фамилию ее не забыл. Нам сообщили, что она погибла во время бомбежки. Мы еще раз проверили после войны — сам понимаешь: блокада, Ленинград. И никаких следов... Ничего нового.

Северов. Спасибо.

Сакеев. За что же спасибо? Вот если бы нашли, тогда действительно было бы спасибо.

Северов. Спасибо за то, что заговорил о ней, что... помнишь. Ты даже не представляешь, как мне хочется говорить о ней. Хотя бы просто говорить. Выговориться. А с кем? Вот с тобой можно, и на этом спасибо.

Сакеев. А как же там было?

Северов. Там? Ты знаешь, у меня выработалась привычка говорить с самим собой. Такие длинные монологи. Контролируешь лучше себя... Да и, как известно, поговорить с умным человеком приятно. Но если не с умным, то, во всяком случае, со своим...

Сакеев (повторил). Никаких следов...

Северов. Это, в общем, понятно. Она же уехала в Ленинград... А там блокада, голод... смерть...

Сакеев. Думаешь, все-таки погибла?

Северов. Не знаю.

Сакеев. Значит, не уверен? Тогда почему ты перестал спрашивать о ней? Почему?

Северов. Считал, что даже если она осталась жива... напоминать о себе уже ни к чему. Прошла война, началась мирная жизнь...

Сакеев. А если все-таки она...

Северов. Знаешь что... поедem, Саша.

Сакеев. Куда?

Северов. К родильному дому имени Клары Цеткин, к тому Дому пионеров, к тому парку, к ее дому...

Сакеев. Но она не жила там больше. Насколько я помню, да, мы узнавали, там жил ее какой-то родственник. Но тогда он нам ничего не мог сообщить о ее судьбе.

Северов. И все-таки поехали, Саша.

Сакеев. Договорились.

Северов. Договорились.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Прошло несколько часов. Комната Северова. В комнате совсем темно. Потом электрический свет зажигается. Северов и Сакеев. Они, видимо, только что вошли. В руках Северова несколько свертков.

Сакеев. Что, Дед Мороз, узнал столицу?

Северов. Скорее все-таки узнал. Конечно, конечно, и улицы новые и проспект. Но вот дух, что ли, московский не изменился. Добрый город.

Сакеев. Я смотрю, ты о городах словно о людях судишь.

Северов. А как же иначе — архитектура в городах все-таки не самое главное. Я их много, городов, перевидал. Разных. Бывает, вроде к городу придраться нельзя. Дворцы, музеи, бульвары шикарные. А холодно в нем. И все эти красоты подчеркивают эту гнетущую холодность. И люди в нем живут хмурые какие-то, недобрые. А Москва — добрый город.

Сакеев (улыбаясь). Ну, это она нам такой кажется. Потому что родная.

Северов. Как странно, Саша. Столько зданий снесли, а родильный дом имени Клары Цеткин на месте стоит. И Дворец пионеров тоже.

Сакеев. А почему ты все-таки не захотел поехать в Сокольники, к дому, в котором она жила? Хотя, в общем, я тебя понимаю.

Северов. Не все сразу... Не все сразу...

т ался.И вообще ,такая уверенность в тебе чувствовалась, что даже подумалось: все, что нужно ему, как давеча в магазине, он найдет. А ты какой-то чопорный, вежливый, осторожный.

Северов (улыбнулся). Я вот по Москве с тобой сейчас проехался, и появилось во мне ощущение, которое я давно не испытывал. Радостное предчувствие, что ли?

Сакеев. А если короче — надежда. Так?

Северов. Так.

Сакеев. Вот ты и подарков накупил. (Кивает на свертки.) Дедом Морозом решил стать.

Северов улыбается.

248

А я вот тебе доложу, дорогой волшебник. До Нового года часа четыре осталось. Анна моя, наверно, уже всеми словами нас проклиняет. Так что шагом марш за мной. Придешь, коньячка выпьешь, и совсем тебе хорошо станет, Андрюша.

Северов. Ты, значит, не веришь.

Сакеев. Если честно... не хотел я с тобой об этом разговаривать. Это твое личное дело. Как это говорят, святое... Только твое. А, видимо, придется. Ты меня, наверно, считаешь сейчас старым, черствым, равнодушным. Считаю как хочешь. Только я-то в одном убежден. Достаточно с тебя. Ты такое перенес, что на десятилетия спокойно хватит. И горя я твоего больше не хочу. И разочарования твоего видеть не желаю. Прошло 28 лет, целая жизнь...

Я понимаю твою веру в Наташу там, это силы тебе придавало, но теперь... Неужели ты опять будешь в несбывшееся верить? Пойми, я не из тех, кто не верит в любовь с первого взгляда-верю я в такую любовь, сам женился с ходу, можно сказать,

а теперь...скоро серебряную свадьбу отмечать собираюсь.
Но у тебя же особый случай...Целых двадцать восемь лет ни
слуху,ни духу друг одруге...

Северов.Авдруг будет и слух,и дух?

Сакеев.Не шути.

Северов.Может у меня ,действительно ,особый случай...

Сакеев.А почему она,собственно,должна тебя ждать,почему?

И потом,неужели ты не понимаешь,что за столько лет
характер человека меняется...И вот еще что...Ну есть вера-
та Наташа,юная,красивая...так пусть она и останется такой,
как часть твоей души...А предположим,она жива.. Прости
меня,Андрей,уже пожилая женщина,как соседка.,муж,
дети,наверное,взрослые,внуки...Ты прости меня,я откровенно.

Северов.Ничего,Саша,ничего...может, ты и прав.

Сакеев.Я не хотел тебя обидеть,поверь.

Северов. Верю. (После паузы.) Ты, конечно, прав...
прав...

Сакеев. А может, и нет, черт возьми. Может, я дей-
ствительно старый дурак, упустил что-то... Чего-то понять
не могу. Главное, Андрей, чтобы тебе было хорошо.

Северов.А мне хорошо,Саша,мне очень хорошо.

Я вернулся на Родину,я среди своих,и ты знаешь,когда
я вспоминаю о ней ,это,как у Пушкина- «печаль моя светла».

Сакеев. Андрей,честное слово,мы на Новый год опоздаем,
и жена мне такую далеко не светлую печаль покажет... по-
ехали.

Северов.Ты езжай,Саша,я попозже приеду,адрес твой у
меня есть.

Сакеев.Ты что,один Новый год собираешься встречать?

Возил я его,возил по всей Москве,думал- посидим,
старое вспомним,ты же с моей семьей даже еще не знаком.

Северов.Я приеду,Саша,я обязательно сегодня к тебе приеду.

Сакеев.Ну что ж,если ты так решил...С наступающим!

Северов.С наступающим,Саша.Я обязательно приеду.

Сакеев.Все,я уехал,а тебя ждем.(уходит)

Северов(один)Дед Мороз..Сейчас так же ,как тогда,на Земле

царствует смена времени, так же люди желают друг другу счастья ...Помнишь, в тот наступающий Новый год, примерно в это же время мы шли с тобой пешком от центра в Сокольники. Наташа. Ты знаешь, в детстве я действительно верила, что Дед Мороз существует на самом деле, просто свято верила, потому что когда я была совсем маленькая, отец переодевался Дедом Морозом и являлся ко мне, когда я уже засыпала, в первые минуты Нового года. Я после боя курантов открывала глаза, хотя мне очень хотелось спать, боролась со сном до его прихода, отец действительно был похож на Деда Мороза...А еще я по-

мню — мама очень смеялась. Она вообще была смешливой. Буквально от всего смеялась.

Северов. У меня ничего такого не было. Я в деревне, в Поволжье, родился. Родители от голода умерли. Потом детский дом. В общем, ничего такого не было.

Наташа. Это печально. Ты знаешь, мне тебя жалко. Очень жалко. Я даже не представляю себе, что со мной было бы, если бы вот у меня не было такого детства. Такого напряженного счастливого детства. Я бы тогда не была

кого напряженно счастливого детства. Я бы тогда не была такая доверчивая что ли.

Северов. А это хорошо или плохо?

Наташа. И хорошо и плохо одновременно: если человек сильный, это хорошо, а если слабый — плохо.

Северов. Они живы, твои родители?

Наташа. Отец погиб под Халхин-Голом, он был красный командир, краском, уехал и погиб...Помню, к нам приходили люди, которых я раньше не знала, друзья приходили...

А через год умерла мама..Нет, нет, ты не переживай, я уже все это пережила, теперь спокойно обо всем говорю. Мама очень любила отца...и умерла...это так понятно.

Северов. Значит она просто не могла без него.

Наташа. Ты знаешь, как мне тогда было жутко плохо, но я поборола себя, я много читала, занималась

общественной работой. Записалась в «Ворошиловские стрелки». В общем, старалась жить полной жизнью. Поэтому я и в Ленинград уехала. Поступила в техникум, на первый курс. Комнату я нашу сдала. А сейчас в Москве я случайно. К дяде приехала. А его нет, он в Суздаль

зачем то уехал, хорошо, что ключи соседям оставил- телеграмму то я ему не давала, вот такие дела...

Северов. Наташа, а давай я что-нибудь подарю тебе на Новый год, что ты хочешь?

Наташа. Не надо, я ведь не маленькая, хотя... Подари мне барабан. Ты не смейся, вот такой простой маленький барабан. С которым ходят пионеры. Барабан и палочки.

Северов. Ты что, хочешь учиться играть на барабане?

Наташа. Не знаю. Я как то прочитала слова Гейне: "Поэт должен быть барабанщиком революции". И ты знаешь, мне бы тоже хотелось, чтобы у меня был барабан, чтобы он висел на стене и можно было бы к нему под-

ходить и вот так вот отстукивать марш. Вот так вот... по его сухой тугой коже...

Северов. Ты хочешь стать поэтом?

Наташа. Не знаю. Я никогда не писала стихов. (Вздыхнула.) Не умею.

Северов. А говорят, есть такой учебник. Там рифм много, выбирай любую... и будут стихи...

Наташа. А ты видел этот учебник?

Северов. Нет.

Наташа. Жалко. А где же елка? Где праздничный стол? Где подарки? Где Дед Мороз?

Северов. Сразу так много вопросов. Подарок мы тебе сейчас купим — барабан. Елка будет. Вот с праздничным столом труднее. Может быть, пойдем куда-нибудь в столовую или даже в ресторан?

Наташа (серьезно). Я не хочу. Я уже решила. Мы пойдем с тобой в парк, подойдем к елке и выпьем бутылку шампанского, когда пробьет двенадцать. Потом ты проводишь меня домой, это отсюда совсем рядом. Хорошо?

Северов. Дай мне твою руку.

Наташа. Ты что, хочешь гадать по руке?

Северов. Нет, что ты... я и не умею.

Наташа. А то я боюсь, когда мне гадают. Я не люблю этого.

Северов. Тебе когда-нибудь плохое нагадали?

Наташа. Нет, просто не люблю. Я буду тогда думать, а вдруг на самом деле так и будет. А зачем? Это сбивает. В жизни надо идти всегда прямо. Так отец мой говорил.

Северов. Время. Надо **спешить**, Наташа, а то у нас не будет ни **барабана**, ни шампанского.

Наташа. **Пошли?**

Северов. **Пошли.**

Перед Северовым и Наташей прилавок магазина, за ним пожилая Продащица.

Продащица. Вам повезло, молодые люди, вы последние в этом году наши покупатели.

Наташа. С наступающим вас Новым годом, **товарищ продавец.**

Продащица. Спасибо. И вас также. И вашего кавалера.

Наташа.Слышишь,Павел,как тебя назвали.Оказывается,ты -мой кавалер.

Продащица.А что смешного в том,что молодой человек –ваш кавалер?

Наташа.Ничего,просто весело.

Северов.Непривычно как-то,обычно говорят –друг,знакомый... Это раньше...

Продащица.Моя молодость тоже пришлась на это «раньше»... У меня не было знакомых,у меня были кавалеры.Потом эти

кавалеры ушли-кто на гражданскую войну,кто на германскую ...Некоторых я еще встречала во время НЭПа,а сейчас нет,померли мои кавалеры..Да ладно,что вы хотели,молодые люди?

Северов.Мы хотели бы купить у вас барабан.

Продавщица.Какой барабан?

Северов.Обычный,маленький пионерский и две палочки к нему.

Продавщица.Сейчас посмотрим,посмотрим...Такой?

Северов.Такой,Наташа?

Наташа.Именно такой.

Северов.Деньги можно вам?

Продавщица.Конечно мне.А вы как называетесь,пионер-вожатые что ли?

Северов.Нет.Почему вы так подумали?

Продавщица.Я теперь замечаю,что молодые люди знакомятся по профессии-геолог и геологиня,ударник и ударница..

Наташа.Нет,это мой кавалер сделал мне новогодний подарок.

Продавщица.Странно как-то все это,странно дарить на Новый год девушке барабан.Я понимаю там ,коробку шоколадных конфет или духи «Красная Москва»...

Северов.Наташа,может действительно...

Наташа.Нет,нет,это предел моих мечтаний,Павел;конфеты я сразу съем ,духи закончатся,а барабан...он похож на сердце, которое стучит и никогда не умирает...

Северов. Когда в декабре сорок четвертого меня вывели расстреливать, я не знал, что это будет лишь инсценировка, внутренне я уже был готов к смерти. Но вот, когда забили барабаны, я вдруг понял, что не умру. И хотя звуки этих больших армейских барабанов были мало похожи на звук того маленького... я вдруг вспомнил Новый год. Наташу и те ее слова, про сердце...

Северов. Когда в декабре сорок четвертого меня вывели расстреливать, я не знал, что это будет лишь инсценировка, внутренне я уже был готов к смерти. Но вот, когда забили барабаны, я вдруг понял, что не умру. И хотя звуки этих больших армейских барабанов были мало похожи на звук того маленького... я вдруг вспомнил Новый год. Наташу и те ее слова, про сердце...

Звонок. Северов идет в переднюю и возвращается с соседкой.

Соседка. Андрей Михайлович, я за вами.

Северов. Зачем вы беспокоитесь?

Соседка. Плохо, когда человек такой праздник, как Новый год, встречает один. А потом, у нас радость.

Северов. Радость...

Соседка. **Сын из армии** на побывку приехал. Он спортсмен у нас. Ну, его команда кубок там какой-то выиграла, вот его и наградили поездкой домой. И надо же, телеграмму даже не прислал. Это я, говорит, вам как подарок. Действительно подарок. Пойдемте, Андрей Михайлович, я вас с ним познакомлю.

Северов. У меня и **галстук** не повязан.

Соседка. Господи, да зачем он? Мы по-простому, без всякого папала. Простите. Андрей Михайлович, вы что, из военных будете?

Северов. Почему вы так подумали?

Соседка. Да я видела, как вы в машину с генералом сажались.

Северов. Да, я был военным.

Соседка. А теперь в **отставке**?

Северов. **Нет**, не в **отставке**. Я теперь преподавать буду.

Соседка. Ясно. Опытом делиться. Жалею.

Северов. А чего же жалеете?

Соседка. Да муж мой в этом году на пенсию идти должен. Как вспомнит, расстраивается. А тут вы бы как раз... Ну и вам веселее было бы... Пойдемте, Андрей Михайлович, я вас пирогом угощу. *(Смотрит на свертки.)* Хотя что же это я... может, вы **собрались** уже куда? Вон, видимо, и подарки **купили**.

Северов. Да, купил кое-что. *(Разворачивает один из свертков.)* Вот, взгляните, так сказать, с женской точки зрения.

Соседка. Ох, Андрей Михайлович, видно, скоро у

меня не только сосед, но и соседка **появится**... Вы, наверное, вдовый?

Северов. Вроде этого...

Соседка. Не буду, не буду... **У** каждого человека своя жизнь, и это уважать надо...

Северов. Ну так нравятся?

Соседка. Сапоги импортные. Красота-то какая! Где же это вы достали?

Северов. **На Таганке**, кажется, в универмаге.

Соседка. У вас там знакомство или как, Андрей Михайлович?

Северов. Да нет, просто пошел и купил.

Соседка. И очереди никакой?

Северов. Никакой.

Соседка. Это надо же, что делается. За день, за два пойдешь — ничего. А перед самым Новым годом выбирают. Это они для плана все, для плана.

Северов. Значит, нравятся сапоги?

Соседка. Замечательные!

Северов (разворачивает другой сверток). И еще вот...

Соседка. Костюмчик джерси. Там же брали?

Северов. Там же.

Соседка. План, опять же план.

Северов (разворачивает свертки). Ну, я рад, что вам мои подарки понравились.

Соседка. Ох и завидую я вашей женщине! Хотя, если честно, для таких сапожков модных я уже старовата.

Северов. Староваты... А сколько вам? Хотя... простите меня.

Соседка. Да чего там... В молодости и в старости годы не скрывают. Ни к чему это. Мое время, Андрей Михайлович, уже к пяти десяткам подбирается. Вот вроде и трудное время пережили, а все равно так незаметно годы пролетели. Все время молодая, молодая, и вдруг на тебе — уже возраст! Так что вроде теперь мне такие сапожки ни к чему. Скажут: что это ты вынарядилась, бабушка? Хотя вы знаете, что дело вкуса. Сейчас многие пожи-

лые модно одеваются... Так все же уходите? А может к нам зайдете на минуточку, старый год проводить?...

Северов (вспоминает)...

Проводить... Это было уже после того как мы встретили Новый год в парке, после ее комнаты... Ранним январским утром мы шли с Наташей

по перрону. Наташа пришла меня проводить.

Далекие гудки паровоза. Рядом с Северовым Наташа.

Наташа. Ты билет потерял?

Северов. Нет, что ты. Вот мой билет.

Наташа. Что то я тебе хотела такое сказать... ты вернешься и мы поедем с тобой в Путивль, ладно?

Северов. Это там, где князь Игорь и Ярославна?

Наташа. Да. Зимой поедем... Сколько еще времени осталось?

Северов. Еще минут десять.

Наташа. Как много.

Северов. Разве это много, всего десять минут..

Наташа. Ты знаешь, я понимаю, что должна сказать тебе что-то особенное...

Северов. Почему ты не спрашиваешь, зачем я еду в этот город?

Наташа. Значит тебе так надо.. и если ты ничего мне не говоришь, значит так тоже надо, а потом .. какая разница- в тот или другой город ты уезжаешь... ты уезжаешь...

Северов. Мы будем писать друг другу письма, я напишу тебе свой адрес в Ленинград.

Наташа. А если не напишешь?

Северов. Напишу.

Наташа. Поклянись.

Северов. Я...

Наташа. Нет, не надо, Павел. А если что-нибудь случится, а ты не сможешь... ты будешь страдать, а я хочу, чтобы ты был спокоен и счастлив.

Северов (обнимает ее) Наташа...

Наташа. Повтори.

Северов. Наташа... Наташа... Наташа...

Наташа. Все, я услышала, я запомнила- как ты говоришь мое имя ...

Северов. Открой глаза...

Наташа. Все-таки я не буду говорить тебе «про-

щай». Я скажу: «прощай, елка», «прощай, Новый год»... А ты не прощай...

Северов. И ты не прощай. Ты береги себя.

Наташа. Не беспокойся. Не беспокойся за меня. Я буду жить. И ты приедешь ко мне в Ленинград. Я тебя дождусь. Ты даже не знаешь, какая я волевая и выносливая.

Северов. Дай мне твою руку. Видишь, ты совсем замерзла. И руки у тебя холодные-холодные... Я сейчас согрею их.

Наташа. А чего мы, собственно говоря, так волнуемся? Ведь пройдет немного времени, и мы снова будем вместе.

Северов. Да.

Наташа. А почему у тебя глаза грустные?

Северов. Наташа! Понимаешь...

Наташа. Подожди, подожди... Вот увидишь, я очень похорошею за это время. Ведь я живу в Ленинграде. Это такой красивый город. Я буду ходить по Невскому и смотреть в каждую витрину. Я хочу быть красивой... И я буду оборачиваться на каждое зеркало, на каждую витрину: красивая ли я?

Северов. Ты очень, очень красивая...

Наташа. А ты знаешь, я хочу быть бухгалтером. Бухгалтерши, они все такие страшные, и я тоже буду страшной. Но когда я буду кончать работу, все будут поражаться — неужели это она? Какой она вдруг стала прекрасной! Я говорю что-то не то... Ты прости меня... я тебя очень люблю. Так, так сильно, что мне хочется плакать. Давай поедem вместе. Куда угодно, только вместе. Я боюсь расставаться с тобой. Ты уедешь, и тебя не будет. Ты пойми, пойми... Тебя не будет, вот просто так — не будет. Будут все, а тебя не будет. Я буду стоять здесь одна. Те же дома, те же машины, будет так же светить солнце, а тебя не будет... За что? За что? Я не такая уж счастливая... Ты прости меня... сейчас все пройдет...

Гудок паровоза. Сначала медленно, а потом все громче, громче начинают стучать колеса, и Наташа медленно уходит от Северова.

«Зимняя баллада». В. Шендрикова — Наташа. Н. Охлупин — Андрей.

Северов(соседке,будто вспомнив что -то важное).Я пойду,
я все-таки пойду.

Соседка.Куда вы,Андрей Михайлович?

Северов.Я ее найду(собирает свертки и уходит).

КАРИНА ГРЕЙХ

В Москве, в районе Сокольников, еще сохранились старые деревянные двухэтажные дома, которые стоят прямо на окраине парка. Дом и часть его двора, который переходит в парк. Скамейка под фонарем. Небольшая, установленная на улице новогодняя елка. Около нее Дворничиха. Из дому выходит Копытин. Высокий, пожилой, в длинном, почти до пят, пальто, в шапке-ушанке.

Дворничиха. Сергей Тимофеевич, с наступающим вас.

Копытин. Тебя, Тамара, также... Хотя не люблю я праздников.

Дворничиха. Не любите? Как же так? Гости на праздники, угощение на праздники. Все счастливые на праздники, а вы не любите...

Копытин. А ты заметила, как мало народу на ули-

цах? Завтра с утра и вовсе как в пустыне будет. Я люблю, чтоб по **магистралям** народ шел. А то тихо, как тогда.

Дворничиха. Когда же тогда, Сергей Тимофеевич?

Копытин. Давно. *(Махнул рукой.)* Да и неинтересно тебе об этом знать. Папиросы кончились. Опять же — праздник. Мало того, что все **магазины закрыты**, стрельнуть не у кого. Пойду, может, кого хоть в парке встречу... Все-таки парк...

Дворничиха. Смотрите, Новый год пропустите.

Копытин. Успею. *(Уходит.)*

Выходят Северов и **Шофер такси.**

Шофер такси. Может, этот дом? Узнаете, товарищ, или опять не туда мы заехали?

Северов не отвечает.

Вы меня, конечно, извините, но если это не то, поедem дальше. А то я к двенадцати хотел домой заскочить.

Северов. Да, это тот самый дом.

Шофер такси. Ну, слава аллаху. Думал, до утра вас прилетится возить. **Сколько** лет, вы сказали, **прошло?**

Северов. Около тридцати.

Шофер такси. Смотрите-ка, хоть деревянный а стоит, ничего ему не делается, купцы, видать, его строили.

Я читал, в этом районе до революции купцы жили..

Северов (протягивает Шоферу деньги.) Вот, возьмите. И спасибо вам.

Шофер такси. Да чего там. Я понимаю. Смотрите-ка, мы с вами второй Огородников проезд искали, а это, оказывается, теперь улица Потейкина. Я же говорил — переименовали. У нас это очень любят — именами разными называть. А шоферам ищи. (Дворничихе.) Интересно узнать, товарищ дворник, что же это за личность такая, этот Потейкин, что его именем улицу назвали?

Дворничиха. Да я точно не знаю.

Шофер такси (Северову). Ну вот и пожалуйста. Никто толком ничего не знает. А, ладно... Побегу. Счастливого вам Нового года, товарищ...

Северов. И вам.

Шофер такси. Это надо же... У нас улицы Петра Первого нет, а Потейкина есть. (Уходит.)

Северов. Простите. А где березы? Здесь перед домом стояли три березы.

Дворничиха. Верно — были... Их срубили в прошлом году. Они свет в окнах загораживали. Зря, конечно. Могли бы и не рубить. Все равно этот дом скоро сносить будут.

Северов. Неужели будут сносить?

Дворничиха. Вы что, может, жалеете, гражданин? А вы попробуйте поживите в этом деревянном доме. Удобств никаких. Это он отсюда красивый. Люди наконец квартиры получают в хорошем каменном доме. А на этом месте будет станция метро.

Северов. У вас тут тихо. Как в деревне.

Дворничиха. Это потому, что все к Новому году готовятся. А вы, гражданин, случайно не к Уткиным? Так вас, наверно, заждались. Юрка Уткин все кричал: «А где же Вася?» Может быть, вы и есть как раз тот Вася?

Северов. Нет... Скажите, а в этом доме вы таких, Кутейниковых, не знаете?

Дворничиха. Нет, не проживают такие, я здесь всех знаю. Наверно, ошиблись. Эх, гражданин, зря вы такси то отпустили, теперь до самого утра не поймаете, Новый

год все-таки...

Северов. Ничего... Я дойду до трамвая. Значит, не живут?

Дворничиха. Подождите, подождите... уж больно знакомая фамилия. Кутейниковы... Кутайнико... Это... вы

260

знете, помню такого, только он уж лет десять, а то и больше, как помер. А в квартире той женщина с сыном проживает, так она тому Кутейникову родственницей приходится.

Северов. А как ее зовут, не Наташа?

Дворничиха. Может, и Наташа... такое простое имя.

Северов в задумчивости садится на скамейку. Появляется милиционер.

Милиционер (дворничихе). Тamarочка, с наступающим Вас.

Дворничиха. И Вас также.

Милиционер. А что же вы, Тamarочка, елку не зажигаете?

Дворничиха. Домоуправ не позволил. Надо, говорит, электроэнергию беречь. Завтра днем детский утренник планируется, тогда, говорит, и зажжем.

Милиционер. Чего же ее днем зажигать, никакого эффекта.

Дворничиха. Экономит все. Ему говорят, давай на детский утренник артистов пригласим - так он ни в какую. У нас, гово-

рит,своя самостоятельность имеется.А какая самостоятельность, ну умора просто.

Милиционер.А что?

Дворничиха.Общественница из пятой квартиры снегурочку изображать будет,а эта общественница второй год как на пенсии.Сантехника Егорова доктором Айболитом нарядим.

Милиционер.А кто же Деда Мороза будет изображать?

Дворничиха.Да из котельной дядю Васю заставили,так он напьется к завтраму,ну просто умора.

Милиционер.А что же,Тамарочка,вас в качестве артиста не задействовали?

Дворничиха.И ко мне подбирался,что бы я эту,ну как ее, Шахерезаду изображала.Только я наотрез,лучше увольняйте, а позориться не буду.

Милиционер.Отстал?

Дворничиха.Отстал.

Милиционер.А между прочим,начальство твое к сыну в Химки

укатило, так что можешь спокойно елку зажечь.

Дворничиха. А вдруг еще явится?

Милиционер. Да что ты, куда там. Зажигай.

Дворничиха. Самой обидно, наряжали, наряжали...

Милиционер. Зажигай, Тamarочка.

Дворничиха. Вы хоть и милиционер, а на преступление меня толкаете. Ну хорошо, сейчас... (зажигает елку, уходит)

Милиционер. А вы что же, гражданин?

Северов. Что я?

Милиционер. В такой день один на улице.

Северов. Вот жду.

Милиционер. Я то думал, я один такой... Хотя мне по долгу службы на улице быть полагается... А домоуправ еще елку запретил зажигать, просто безобразие. До свидания.

Северов. (вспоминает). Без десяти двенадцать мы зашли с Наташей в этот парк.

Наташа. Давай зайдем в эту аллею. Правда, здесь совсем темно.

Северов. А вот скамейка. Мы можем пока посидеть, потом пойдем вон к той елке.

Наташа. Павел, ты видел, у нас елка выше той, которая в полном зале.

Северов. Стоп. А как же мы дойдем до нее, у тебя же в ботинки снег наберется.

Наташа. Ничего. У тебя есть часы?

Северов. Есть. Так, без семи двенадцать, скоро Новый год.

Наташа. Новый год, новые дни, что-то впереди. Может, это будет лучший год в моей жизни, я буду жить в Ленинграде и получать от тебя письма.

Северов. Наташа, а можно я тебя поцелую?

Наташа. Можно, можно. А знаешь почему? Говорят, если хорошо встретишь Новый год, то весь год хорошо пройдет. Я много болтаю ?

Северов. Наташенька, ты счастлива?

Наташа. Да, я очень счастлива, я болтаю от счастья, а так ведь я молчаливая.

Северов. Без пяти. Давай я отнесу тебя на руках.

Наташа. Не надо.

Северов. Ты пойми, Наташа, тогда я весь год буду тебя на руках носить.

Наташа. Ты что нахмурился? Не надо, не надо, я прошу тебя. Я понимаю, что все, наверное, гораздо сложнее, чем нам сейчас кажется... ради бога, не надо хмуриться.

Северов. Смотри, какой снег... Без одной минуты.

Наташа. Все, а теперь загадываем желание. Загадывай, загадывай скорей... скорей.

Северов. Все, загадал.

Наташа. Все, Новый год! (обнимаются)

Северов. С Новым годом, Наташа!

Наташа. С Новым годом!

Северов. Удивительная минута. Миллионы людей сейчас желают друг другу счастья и загадывают желание.

Наташа. Паша, Пашенька, какое это может быть счастье, как может быть хорошо всем, какое это удивительное и счастливое место эта наша Земля! Это надо понимать.

Северов. И все будет хорошо у тебя. Есть люди, которые просто обречены на счастье. И вот ты, ты одна из них.

Наташа. Спасибо. Никого, только наши следы на снегу.

Вот и наступил 1941 год... И мы вместе...

Северов. Я люблю тебя, Наташа.

Наташа. Не надо... Повтори еще раз.

Северов. Я люблю, люблю тебя, Наташа.

Наташа. Как это прекрасно звучит: «люблю тебя»...

Теперь я понимаю, почему я хотела поехать в Путивль.

Там была Ярославна. Она ждала. Ждала. Каждый день выходила на крепостную стену...

Северов. И дождалась...

Наташа. Да... Ты смотришь на меня так, как будто хочешь запомнить навсегда.

Северов. Я не знаю...

Наташа. Напугался... А ты не бойся... Тебя одного теперь нет, есть двое... двое: ты со мной в Ленинграде, а я с тобой там, где ты. Неужели ты не понимаешь, это же так просто...

Затемнение. Северов один во дворе под елкой. Издалека доносятся веселые возгласы, смех. Во двор вбегает молодая пара, совсем юные Он и Она.

Она (Северову). Ох, как хорошо, что вы здесь стоите!

Северов. А в чем дело?

Он. Да нет, все в порядке. Вы не беспокойтесь.

Она. Просто увидели, что вы стоите. Вот мы и решили...

Северов. Что же вы решили?

Она. Простите, вы не скажете мне свое имя? Не имя-отчество, а имя.

Северов. Пожалуйста. Меня зовут... Павлом.

Он. Не может быть! Это ведь такое редкое имя! Нет, вы не шутите?

Северов. Не шучу.

Он. Это просто удивительно. Спасибо вам. Спасибо.

Северов. А за что же спасибо?

Он. Да так. (Девушке.) Видела? Ничего не подела-

ешь — судьба.

Она. А я, может быть, во все это и не верю.

Он. Ты же сама придумала.

Она. Ну и что?

Он (весело). Нет, надо уж быть до конца принципиальной. Сама же решила.

Северов. А мне нельзя узнать, о чем речь?

Он (ей). Сказать?

Она. Как хочешь.

Он. Я скажу. Дело в том, что вот Катя сказала: «В канун Нового года поедem в Сокольники, подойдем к первому встречному и спросим его имя...»

Северов. А дальше?

Он. А дальше... Какое имя этот встречный скажет, значит, такое имя будет у человека, за которого Катя в новом году замуж выйдет. Понимаете?

Северов. Вот как. Выходит, будет у Кати муж по имени Павел? А что — имя неплохое.

Он. Но вы самого главного не знаете. Ведь меня зовут Павел.

Северов (смеется). Значит, Катюша замуж выйдете?

Она. Это мы еще посмотрим. Новый год длинный...

Северов. Вы что ради этого сюда приехали?

Она. Да, специально приехали..

Он. Из Кунцево.

Северов. Так вы же, ребята, можете встречу Нового года пропустить.

Она. Нет, мы не пропустим.

Он. Мы взяли шампанское и решили встретить Новый год в парке вдвоем.

Северов. Сначала загадать желание, а когда пробьет двенадцать...

Она. Верно. А откуда вы знаете?

Северов. В один очень счастливый и мирный день я вот так же встречал Новый год...

Она. Удивительно... А это было давно?

Северов. Давно.

Он. А желание загадывали?

Северов. Конечно, загадывали.

Он. И все сбылось, правда?

Северов. Правда.

Она. Удивительно.

Он. Вот видишь, Катюша. Я же говорю ... Судьба.

Северов. А вдруг бы меня звали Николаем или Андреем, например, что тогда?

Он. У вас обязательно должно было быть имя, как у меня. Иначе просто не могло быть.

Северов. А вы что скажете, Катя?

Северов. А вы что скажете, Катя?

Она. Ничего... Теперь мне придется в новом году выйти за него замуж..

Северов. А вам не хочется?

Она. Не могу я на этот вопрос ответить при Павле - он станет задирать нос.

Он. Просто давайте в канун следующего Нового года снова встретимся на этом самом месте. И вы все узнаете, хорошо?

Северов. Хорошо.

Он. Ну а сейчас мы побежали...

Она. С Новым годом, Вас! (убегают)

Северов. Будьте счастливы, ребята!

Из парка выходит Копытин.

Копытин. Друг, закурить есть? Ты не смотри, что я выпил... я еще в норме.

Северов. Да я некурящий.

Копытин. Ну что ты будешь делать. На весь парк один человек ...и тот некурящий. А у меня, понимаешь, папиросы кончились.

Северов. А... Сам курил, понимаю.

Копытин. Значит, бросил на мою беду... Представляюсь...

Копытин Сергей Тимофеевич.

Северов. Северов Андрей Михайлович.

Копытин. Так что не подумай... Да, ты иди, если нужно, я тебя не задерживаю.

Северов. А ты что домой не торопишься?

Копытин. Не люблю я, друг, праздников, никаких праздников не люблю. Ну выпьешь на праздник, ну телевизор там посмотришь, а дальше то что... И начинают мне в голову мысли лезть. Мне ведь уже пятьдесят лет отстукало на этом свете, поистрепался порядком...

Северов. Семья то есть?

Копытин. Двое ребят, один уж в институте, математик, голова... А поговорить, вроде, и не с кем... Целый курс Подольского военного училища, понимаешь, целый курс... и в одном бою, в один раз всех на одной такой поляночке, под Малоярославцем... Я остался жив, ты пойми, друг, всех... Все сразу... рыжие, блондины, брюнеты, русские, казахи - все остались лежать там... Снег не глубокий, белый...

Северов. В сорок первом?

Копытин. Когда же еще... в нем... в октябре. Так-то в обычное время еще ничего, а вот в праздники прямо жутко становится. Ты пойми, друг, всех ребят в одинаковом новеньком обмундировании... только-что остриженные...

Северов. Ничего не поделаешь, Сергей Тимофеевич, война...

Копытин. Я то понимаю, можно сказать, собственным телом дорогу в Москву фашисту преграждал, а все-же ребят жалко... И главное, чувство несправедливости во мне какое-то, они погибли, а я жив остался... И главное, после войны ничего не пришлось мне такого сделать необыкновенного, чтобы то, что жив остался, оправдать... (уходит)

Северов. (один) Не был фашист в Москве, в этом твое оправдание.

В том, что люди могут вот так запросто ходить по улицам, любоваться новогодней елкой, сидеть у выложенной кафелем печи, смотреть на огонь... Люди же должны жить долго, долго и счастливо...

Северов вспоминает...

Северов и Наташа вдвоем в ее комнате... Полумрак, только отблески огня от печи на лицах.

Наташа. Вот **ты** помнишь, как говорят в сказках. «Они жили долго, счастливо и умерли в один день». Как я завидую таким людям! Жить долго, вместе. Каждое утро просыпаться и быть вместе. Идти куда-нибудь, возвращаться и знать, что сегодня мы снова будем вместе. Слышать твои шаги, ждать, когда откроется дверь, и поражаться: как это прекрасно — снова видеть твое лицо.

Северов. А у нас получается по-другому. «Они были счастливы и уехали в один день».

Наташа. Но ведь это не одно и то же, что умерли в один и тот же день. Пройдет время, и мы снова увидимся. И чем больше **будет** разлук, тем сильнее мне захочется увидеть тебя... пусть даже неожиданно, вдруг.

Северов. А сейчас тебе, значит, не очень хочется меня видеть? Для этого нужна разлука.

Наташа. Что ты говоришь?! Как ты можешь так говорить? Я просто хочу, чтобы, уезжая, ты был счастлив и знал, что я переживаю меньше, что я крепкая и стойкая... потому что люблю тебя...

Северов (после паузы). Наташенька, а если это будет очень долго? Долго-долго мы не увидим друг друга?

Наташа. Но ведь все равно это же когда-нибудь будет. Ведь не может быть иначе. Просто я хочу, чтобы это было скорее. Это так понятно.

Северов. Я пойду в комнату, в эту комнату, а ты не будешь знать, что я вернулся. И почему-то я представляю, что тебя в это время не будет дома. Ты просто уйдешь куда-нибудь по делам или в магазин. А я встану за дверью так, чтобы ты меня не сразу увидела. Ты войдешь, посмотришь на меня, как бы не узнавая...

Наташа. Пашенька... (Засмеялась тихо.) Так все и будет. И чтобы дожидаться этого дня, можно пережить все на свете... и вынести все.

Северов. А потом я тебя возьму на руки, и почему-то здесь я представляю, что ты сразу уснешь у меня на руках. Тихая-тихая, как будто все эти ночи, пока меня не было, ты не спала и только сейчас можешь спокойно заснуть.

Наташа (неожиданно). А ты не можешь не ехать по своим делам?

268

Северов. Нет. Я должен. Я даже не могу себе представить, что бы я делал, если бы не поехал.

Наташа. Значит, ты сам захотел поехать.

Северов. Сам.

Наташа. Значит, это дело тебе дороже меня?

Северов. Это дело моей жизни, Наташа. И в нем все... и ты... В общем, все.

Наташа. Если так... Ты очень серьезно мне сейчас ответил... А сколько ты должен быть там, куда ты едешь?

Северов. В августе — сентябре я приеду.

Наташа. Ты не уверенно это говоришь.

Северов. Я так думаю.

Наташа. Да ты не волнуйся, я могу и еще подождать. Я очень терпеливая.

Северов. Как огонь полыхает. Такое впечатление, что он куда-то стремится, хочет убежать.

Наташа. А что ты загадал сегодня, в Новый год? Хотя, наверно, нельзя говорить, а то не сбудется...

Северов. Можно. Я загадал два желания... хотя два, может, нельзя...

Наташа. А я только одно — увидеть тебя снова. Виллинь как просто. И даже обыленно как-то...

Северов. Все может быть на свете, Наташенька...

Северов. Все может быть на свете, Наташенька... Все, и не надо закрывать на это глаза. Даже сейчас...

Наташа. Прости меня. Но, ты знаешь, я сейчас такая счастливая... мне так хочется, чтобы все на свете было просто и ясно.

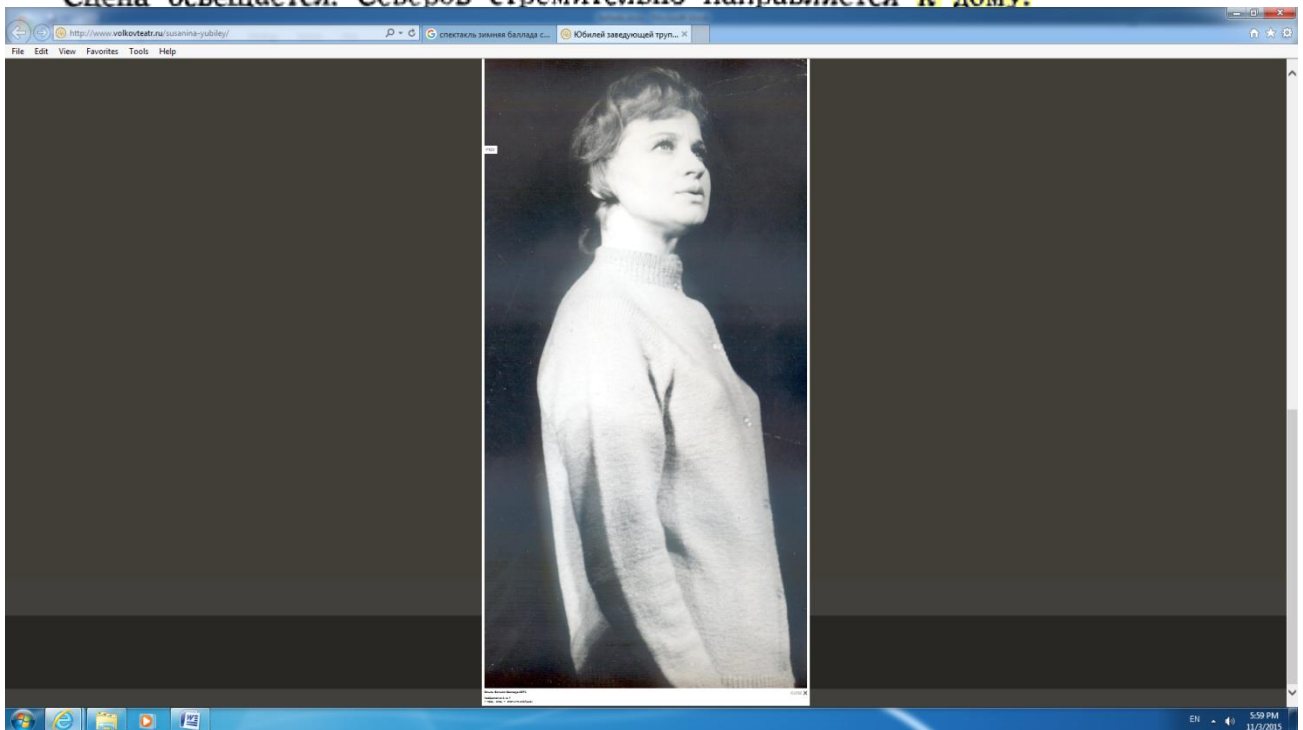
Северов. А второе мое желание... Чтобы войны не было...

Наташа. Это будет ужасно... Я даже не представляю себе... Хотя, конечно, мы победим. Мы победим! Потому что наша страна — это ведь такие же, как ты и я... Но лучше бы ее не было...

Северов. Я закрою дверцу печи...

Наташа. Не надо. Не уходи, Павел. Не уходи... ни на секунду.

Сцена освещается. Северов стремительно направляется к дому.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в старом-деревянном доме. Большая старинная, выложенная разноцветным кафелем, печь. Две двери. Одна входная, вторая — в другую комнату. В комнате чисто и уютно. Полутемно. Зажжены только лампочки на небольшой елке в углу. В комнате никого нет. Стук в дверь. Из соседней комнаты быстро выходит женщина, в полутьме ее черты едва различимы. Она открывает дверь. На пороге со свертком в руках Северов. Входит Северов. Осматривает комнату. Садится у печки. Входит Ольга.

Ольга. В чем дело, гражданин? Что вы тут делаете? Как вы попали сюда? Вам кого?

Северов. Простите, ради бога... Я стучал... Дверь оказалась незапертой... и я вошел... не бойтесь, пожалуйста... простите.

Ольга. Ничего... ничего... С чего вы взяли, что я боюсь? Пожалуйста. Под Новый год с кем не бывает... Вы просто ошиблись. Я понимаю.

Северов. Нет, я не ошибся.

Северов. Нет, я не ошибся.

Ольга. Не ошиблись? Ничего не понимаю. К кому вы? Что вам нужно?

Северов. Я даже не знаю... не могу сказать точно...

Ольга. То есть как это?

Северов. Я понимаю, что веду себя несколько странно, но прошу вас... не выгоняйте меня.

Ольга. В чем дело, гражданин?

Северов. Понимаете, я в этой комнате был однажды... я давний, в общем, очень давний друг. Нет, нет... я что-то не то...

Ольга. Может быть, вам плохо? Дать воды?

Северов. Нет... нет... хотя спасибо. Я просто... не могу сразу уйти отсюда...

Ольга. Вы и вправду странный. Вы, собственно, к кому? Так говорите, что вы бывали здесь? Когда? У кого?

Северов. Здесь жил когда-то Кутейников?

Ольга. Ах, вот оно что... Да, жил... но он давно...

Северов. Я знаю — он умер...

Ольга. Значит, бывали у него. Вы были с ним дружны?

Северов. Нет... Понимаете, у Кутейникова была племянница. Перед войной она жила в Ленинграде.

Ольга. Правильно. Она жила в Ленинграде.

Северов. Скажите, она никогда не приезжала сюда? Или, может быть, писала?

Ольга. Я ничего не знаю.

Северов. Ее звали Наташа.

Ольга (*пристально смотрит на Северова*). Я ничего не знаю...

Северов. Ни малейшей подробности?

Ольга. Нет.

Северов. И все-таки... я не могу сейчас уйти. Вы не сказали мне правды. Вы же знаете ее.

Ольга. Почему вы так решили?

Северов. Мне кажется, что вы похожи на Наташу.

Ольга. На Наталью Кирилловну?

Северов. Я не знаю ее отчества.

Ольга. Как же так? Вы же сказали, что вы старый друг. Хотя какое это имеет значение.

Северов. Вы не волнуйтесь...

Ольга. Откуда вы взяли, что я волнуюсь?

Северов. Наталья Кирилловна... Кутейникова...

Ольга. Значит, вы пришли к ней?

Северов. Да.
Ольга. Ее нет... нет...
Северов. Что? А где она?
Ольга. Она умерла.

После паузы.

Северов. Давно?
Ольга. Пять лет назад. Да, одиннадцатого января будет пять лет.
Северов. Пять лет... Всего пять лет. Простите, но вы, может быть, скажете мне... отчего это случилось... Она ведь была совсем не старая. Почему она умерла?
Ольга. Острая сердечная недостаточность.
Северов. Она долго болела?
Ольга. Нет, ее нашли в парке, на скамейке. Видимо, у нее просто не хватило сил дойти... Врачи потом говорили, что достаточно было просто укола...
Северов. И Наташа осталась бы жить.
Ольга. Вот вы все и узнали...
Северов. Понятно. Понятно. Вы знаете, что... (Пауза. Потом решительно.) Не посчитайте меня за наглеца, но я прошу у вас разрешения остаться в этой комнате еще на несколько минут. Вы не бойтесь меня...
Ольга. Я вообще ничего не боюсь.
Северов. Вы разрешите мне?

Ольга. Ну что же... Раздевайтесь вот здесь. Свертки положите на тумбочку.

Северов (снимая полушубок). Спасибо, спасибо... Да, извините, разрешите представиться: Северов Андрей Михайлович.

Ольга. Меня зовут Ольга Ивановна. Северов Андрей Михайлович... Нет, я о вас никогда не слышала. Садитесь.

Северов. Спасибо.

Ольга (улыбнулась). Вы очень вежливый.

Северов. До Нового года осталось мало времени. Может быть, я вам мешаю? Вы кого-нибудь ждете?

Ольга. Нет, я никого не жду.

Северов. Если так, то...

Ольга. То что? Что, мы с вами прекрасно проведем Новый год вместе?

Северов. Я вас чем-нибудь обидел?

Ольга. Извините.

Северов. Я бы не хотел быть навязчивым, если у

вас...

Ольга. Вы удивлены, почему я встречаю одна Новый год? Просто я так хочу. Этот праздник я всегда встречаю вдвоем с сыном. Сейчас он спит. Я его сегодня из-за города привезла. Он нагулялся и заснул как убитый... Если я его не разбуджу и он проспит Новый год, завтра будет на меня в обиде.

Северов. Сколько вашему сыну?

Ольга. В этом году он пойдет в школу.

Северов. Значит, вы знали Наташу. Наталью Ки-

рилловну?

Ольга. Знала...немного.

Северов. Она была...

Ольга. Она была моей дальней родственницей.

Северов. Понятно...значит, Наталья Кирилловна жила в Москве... В этом доме?

Ольга. Так получилось.

Северов (после паузы). Вот и не застал я Наташу... Расскажите мне о ней... что знаете. Если можно, подробнее...

Ольга. Я удивляюсь, почему я так долго разговариваю с вами?

Северов. Расскажите мне о ней. Как она жила? Какие у нее были радости? В общем, все... Расскажите.

Ольга. Все-таки кто вы? Кто вы для нее были?

272

Северов. Я? Я был ее другом. Нет, даже больше, или, может быть, мне казалось так...

Ольга. Наверно, это вам казалось... она никогда не вспоминала человека по имени Андрей Михайлович...

Северов. Я это знаю.

Ольга. Знаете? А когда вы виделись в последний раз?

Северов. Давно.

Ольга. Когда?

Северов. Еще до войны.

Ольга. А потом вы ни разу не встретились? Вы говорите, что были ее другом... Даже больше... И ни разу? Я понимаю, когда была война... вы воевали... но потом... может быть, ей было трудно... Может быть, она нуждалась

в друзьях.

Северов. Я все понимаю... Так получилось... А разве у нее было мало друзей?

Ольга. Друзья у нее были. Потому что у нее... У Натальи Кирилловны был очень добрый, очень приветливый характер. Она была доверчивой, как... маленькая... В ней жили двое: взрослая женщина и девушка, почти женщина... Да, она была очень доверчивой...

Северов. Это плохо?

Ольга. Не знаю. Наверно, и плохо и хорошо одновременно.

Северов. Для сильного человека — хорошо, для слабого — плохо.

Ольга. Да, она так говорила...

Северов. Я знаю.

Ольга. Может быть, поэтому ее жизнь не сложилась.

Северов. Она была несчастлива?

Ольга. Нет.. Несчастлива.. Нет, это слово совершенно к ней не подходило. Хотя если смотреть объективно, у нее получилась нелегкая, какая то не сложившаяся жизнь.

Работала она бухгалтером на кожевенном комбинате... Работы всегда было много, и она уставала... А зарплата у нее была не ахти какая... мать-одиночка...

Северов. У нее были дети?!

Ольга. Да. Один ребенок... Девочка.

Северов. Где она теперь?

Ольга. Живет где-то в Москве. Она уже взрослая.

Северов. Сколько ей?

Ольга. Кажется, столько же, сколько и мне...

Северов. Что? Даже день в день?

273

Ольга (смутилась). Нет, конечно... Я старше... значительно старше. В общем, мы вместе выросли...

Северов. А ее адреса вы, конечно, не знаете?

Ольга. Не знаю... потом скажу...

Северов. А ее муж?

Ольга. Видите ли... Наталья Кирилловна никогда не была... замужем. А отец ее девочки... Я о нем ничего сказать не могу... он пропал... пропал без вести... Наверное.

просто погиб в первые дни войны... Ну вот. А девочка у нее была очень трудная... училась плохо... Наталья Кирилловна, чтобы подработать, часто брала работу на дом. А еще и в магазин надо было, и обед сварить. На развлечения, конечно, времени не хватало. Очень редко кино. Праздники тоже бывали нечасто. А потом ее дочь очень рано вышла замуж. Муж военный. Уехала с ним в Среднюю Азию. Вернулась с мальчиком на руках. Пошла на вечерний, а матери опять забота...

Северов. Она родилась в Ленинграде, эта ее дочь?

Ольга. А вы откуда знаете?

Северов. Как же они пережили блокаду?

Ольга. В блокаду их в Ленинграде уже не было... Родильный дом, где была Наталья Кирилловна, бомбили... ее дяде сообщили даже, что и она погибла. В общем, с документами напутали.

Северов. Понимаю...

Ольга. В этом смысле Наталье Кирилловне повезло... Она жила в Сибири, конечно, жила трудно. Одна с малышом на руках. Девочка родилась болезненная, но она ее все-таки выходила. Потом вернулась в Москву, тогда был еще жив ее дядя. Кутейников. В общем, прямо скажем, невеселая жизнь.

Северов. Понятно.

Ольга. И все-таки при всем этом про нее нельзя было сказать, что она была несчастна. Наоборот! Скорее, она была счастливая. Несмотря ни на что! Вот... если вы, как говорите, ее старый знакомый... Вы случайно не знали такого человека... Его звали Павлом? Ну, может быть, когда-нибудь встречали у Натальи Кирилловны? Не знали?

Северов (не сразу). Нет.

Ольга. Жаль. Вот этого человека я хотела бы увидеть. Очень... Ну хотя бы фотографию...

Северов. Почему? Почему вы хотели бы его увидеть?

Ольга. Вы знаете, почему она была счастлива? Она

любила его... Этого Павла. Всю жизнь. Так сейчас редко любят. Хотя, наверное, я и ошибаюсь. Она, по-видимому, считала, что одной встречи с ним ей было уже достаточно, чтобы быть счастливой всю жизнь. Ей казалось, что она просто не имеет права быть... несчастной. Она ждала его. Понимаете? Ждала его всю жизнь. Она была уверена, что он вернется. Даже тогда, когда прошло много лет, когда все похоронные пришли по своим адресам, когда пришли

вести обо всех пропавших без вести... она считала его ЖИВЫМ. А когда я говорила ей, что так не может быть, чтоб не напомнил о себе, если б хотел... она отвечала...

Северов. Значит, она была бабушкой?

Ольга (улыбнувшись). И еще какой бабушкой!

Северов. А что, если этот человек действительно жив?

Ольга. Жив? То есть как это? Жив? Тогда... тогда... мне просто... жаль Наталью Кирилловну! Тогда... тогда я думаю, что этот Павел был просто подлец!

Северов. Почему?

Ольга. И вы еще спрашиваете: почему? Да ведь он... он... Он даже повлиял и на жизнь ее дочери!

Северов. На жизнь дочери?

Ольга. Еще бы! Ее жизнь тоже... как-то не сложилась. Со своим мужем она разошлась. И в конце концов осталась на бобах, ну хотя бы во мнениях соседок. Не такая уж она красавица, да и ребенок. И не первой молодости. А что ее муж? Обыкновенный, неплохой, в общем, человек, и отношения у них были... самые обыкновенные... Но, понимаете, она с детства знала, что любовь открывает человеку всю красоту мира, дает человеку силы выстоять в самой тяжелой борьбе, перенести любое горе. Любовь приносит человеку счастье. И она, дочь Натальи Кирилловны, признавала именно такую любовь. Такую или никакую. Хотя теперь она понимает что человек, который

был причиной того культа любви в их семье, скорее всего, подлец... Бросить женщину, которая так любила его, бросить перед самой войной и никогда больше не вспоминать о ней...

Северов. А что, если вы не правы, если вы ошибаетесь? И если... этот человек... этот Павел... помнил ее тоже? Всегда помнил. И любил...

Ольга. Но почему же тогда...

Северов. Понимаете, Ольга, вокруг нас существует мир, в котором за счастье, за нашу с вами жизнь пока

еще приходится бороться. И очень трудный, но прекрасный долг, долг каждого человека. А для Павла этот долг был превыше всего. Солдатский долг. А он был солда-

том.

Ольга. Даже после войны?

Северов. Так получилось... что для него в сорок пятом война **не** кончилась. Он **не** мог вернуться.

Ольга. Или **не** захотел?

Северов (*почти сурово*). Ему **не** позволил долг. Долг перед Наташей, перед своей любовью, перед Родиной.

Ольга. Вам нехорошо? Может быть, воды?

Северов. Нет, нет. Мне хорошо.

Ольга. Вы побледнели.

Северов. Вы даже сами не знаете, как мне хорошо.

Ольга. Мне **почему-то** кажется, что Наташа понимала, догадывалась что ли... Поэтому, наверное, он и был для нее самым лучшим.

Северов. Правда? Вот это и есть самое большое счастье.

Ольга. **Чье? Его?**

Северов. Человека, которого звали Павлом.

Ольга. Вы так говорите, как будто хорошо **его** знаете.

Северов. Да.

Ольга. Да. **Значит, раньше** вы мне сказали неправду?

Северов. Да.

Ольга. Почему?

Северов. Потому что...

Ольга (*перебивает*). Нет... Не надо. Не надо мне ничего говорить. Хорошо?..

Северов. Хорошо.

Ольга. Вы знаете, у меня есть **бутылка шампанского**. А до Нового года осталось лишь несколько минут. Я сейчас... (*Вынимает из шкафа бутылку шампанского и бокалы.*) Откройте, пожалуйста, Андрей Михайлович.

Северов. Но еще не Новый год.

Ольга. А мы выпьем сейчас не за Новый год. Открывайте.

Северов открывает бутылку.

Северов открывает бутылку.

Из соседней комнаты раздается барабанный бой.

Северов. Что это?

Ольга. (с сияющим лицом) Это мамин барабан..мой сын проснулся.. Его зовут Павел...Я все знаю... Вы никуда не уйдете? Сейчас я его одену, и мы все вместе будем встречать Новый год, хорошо? (уходит)

Северов замечает фотографию Наташи,той девятнадцатилетней,которая живет в его памяти.

Северов.Вот мы и встретились,Наташа...Прошло время...

Моя жизнь тоже, в общем-то, прошла... Прошла боль, боль утрат, боль сердца, осталась только разлука с тобой. Я часто представлял себе нашу встречу, как

войдешь ты... И я бы не прятался... И ты бы посмотрела на меня, и я бы увидел, что ты уже немолодая женщина и твои руки потрескались от стирки, от нелегкой жизни. Я бы встал перед тобой на колени. Все, все, что может сделать человек, я сделал для Родины... для тебя. А ты ждала, ждала меня... несмотря ни на что. И верила. Я знал, я чувствовал... Может быть, я бы не выжил, но ты незримо спасла меня тогда. Да, да, ты помнишь, ты, может быть, проснулась в четыре часа ночи. Это было двенадцатого августа тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда я, отчаявшись, начал биться головой о стену мюнхенской тюрьмы, чтобы убить себя. Но в последнем, уже отхлынувшем от меня желании жить я начал повторять твое имя — Наташа... И мне вдруг стало видно оттуда, издали, как ты вскочила с постели и бросилась к окну, дрожащей рукой распахнула ставни, а над миром была только августовская ночь, только наша общая разлука, наше единое одиночество... А сейчас за окном январь, и наша с тобой земля лежит, огромная, под снегом... Да, мы больше никогда не увидимся. И я уже знаю наверняка, что впереди у меня больше нет встречи с тобой...

Раздается дробь маленького барабана.

И все-таки я счастлив. Ты слышишь? Это бьет в тот пионерский маленький барабан твой внук. Наш внук. Он приветствует Новый год. И если мне снова будет трудно, если, прижатый к стене, я буду вновь отбиваться от врагов, я все равно увижу тебя, смеющуюся... И снова ударят куранты. И никогда не умолкнет барабан, похожий на сердце, которое все время стучит. И то же слово будет биться у меня в голове: Наташа! Наташа! Наташа!

Все громче бой барабана.

З а н а в е с

